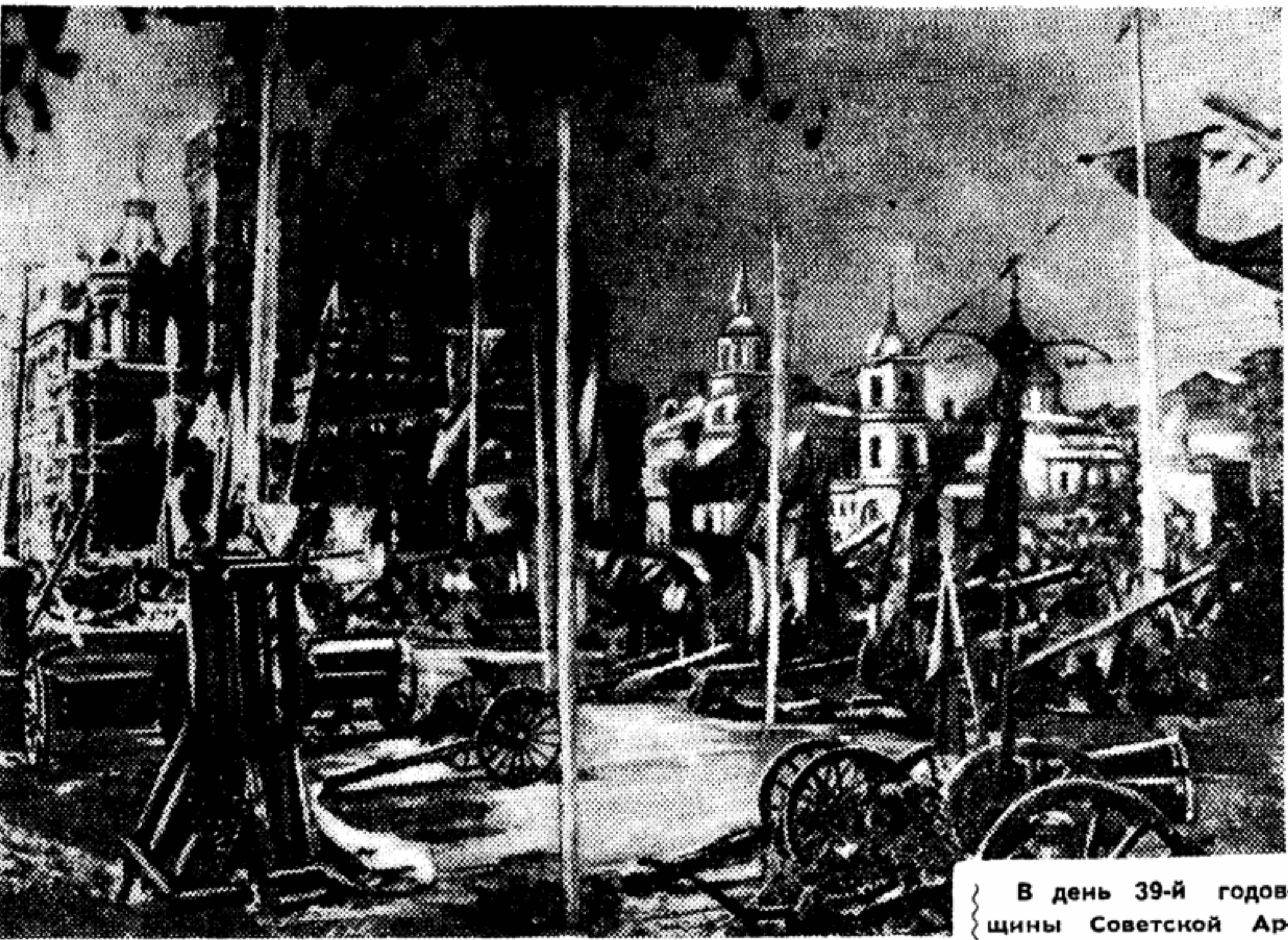

Сегодня поднялся я рано,
Как будто бы рядом стрельба,
Как будто меня разбудила
Солдатской победой труба.
Как будто бы стал я на танке,
Прижавшись щекою к броне,
Как будто защитного цвета
Опять гимнастерка на мне.
Как будто вальдайки сосны
Шумят над моей головой,
И снова мне библейский слугит
Покрой устав боевой.
И снова во всем в казенном—
От прочных сапог до ремня,
И мой командир на поверке
Опять выкрикивает меня.
И все, что имею в подсумке,
Делю по числу я друзей,
И все человечество видит
Звезду на фуражке моей.
...Проснулся я. Все было тихо.
Ни штурмов, ни гроз, ни атак.
Висел, отдыхая на стуле,
Мой штатский до нитки пиджак.
Проснулся я. Солнце светило
На весь приарбский квартал.
О мирном сосуществовании
По радио диктор читал.
Восвешено свежестею пахло
Уже от февральской земли.
В неполную среднюю школу
Мальчишки с портфелями шли.
И глядя на ясное небо,
На этот спокойный рассвет,
Я тихо спросил у домашних:
«А где мой военный билет?»

Рис. художника Г. МАКАРОВА

Снимок 1.

Здесь, на Красной площади, и зародился в тот победный 1920 год будущий Музей Советской Армии. Характерно, что в приказе Революционного Военного Совета Республики о создании музея (было это в 1921 году) перечислялись различные предметы, которые надо было хранить и собирать, но в этом перечне не упоминались лишь самые ценнейшие реликвии — боевые Красные знамена. Причины тому были основательные: знамена рано было сдавать на почетное хранение в музей. Они развешивались еще на полях сражений, призывая к подвигам и победе. Они были действующим боевым оружием.

Пророчески прозвучали тогда слова председателя ВЦИК М. И. Калинин, сказавшего при вручении революционных Красных знамен полкам 1-й Конной армии, что после победы эти знамена «... с гордостью будут возвращены и будут поставлены там, где будут видны всему миру».

А ЛЬБЕ бархатные, шелковые и простые кумачовые полотноща, пробитые пулями и осколками снарядов, выгоревшие на солнце и полинявшие от дождей. В них воплощена история создания, строительства и боевого пути Советской Армии в годы гражданской войны.

О чем рассказывает знаменце? Вот одно из них (снимок 2-й). Февраль 1918 года. Войска германского империализма начали наступление против Советской республики. Партия организует силы народа для вооруженной борьбы. 23 фев-

рала в Петрограде и многих других городах объявлен Днем Красной Армии. Рождаются первые отряды и полки новой, социалистической армии.

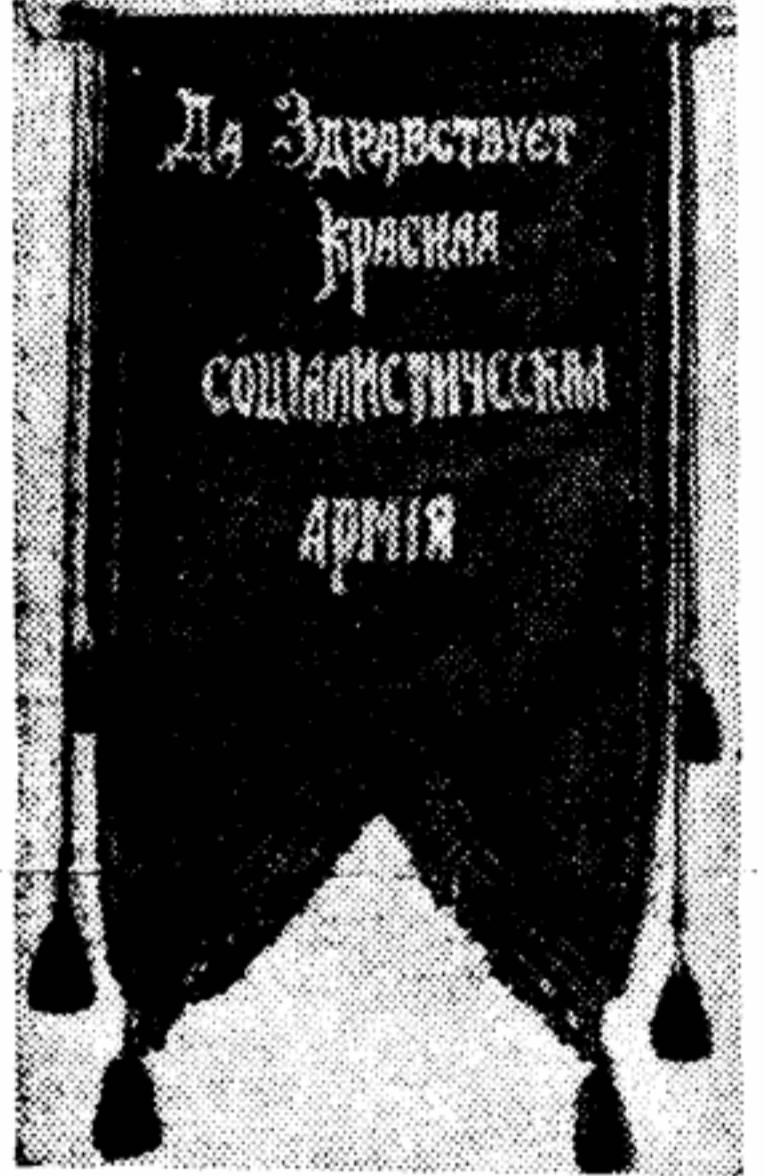
С этим знаменем прошёл по улицам и площадям Петрограда 23 февраля 1918 года первый полк пролетариев. Это знамя — свидетелем рождения Красной Армии. Полотноще красной шелка, обшитое золотистой бахромой, стажельными кистями на шнурах. Любовно вышиты слова лозунга: «Да здравствует Красная Социалистическая Армия!».

А это знамя (снимок 3-й) повествует нам о событиях августа — сентября 1918 года. Напряженные бои идут на Восточном фронте. Среди частей Красной Армии, сражавшихся на берегах Волги, — батальон красногвардейцев Выборгского района Петрограда. Боевой путь батальона начался в октябрьскую ночь 1917 года штурмом Зимнего дворца. Здесь же сражается 2-й революционный полк, сформированный в феврале 1918 года из рабочих Замоскворецкого района Москвы.

После победы под Симбирском батальон питерских красногвардейцев и полк московских рабочих слияются в один полк — 242-й Волжский. Над ним развешается знамя 2-го Революционного полка.

Тяжелыми складками спускается с древка полотнище знамени. На одной его стороне надписи: «Революционный полк 242-й Волжский Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Москва. Замоскворецкий район». Видна и цифра «2», оставшаяся от старого названия полка. Это знамя одного из старейших полков Советской Армии.

В 1919 году в составе 27-й Омской стрелковой дивизии, гренады колчаковцев, полк прошел с боями путь от Волги до Енисея. Сложена была в дивизии песня об этом походе:

Снимок 2.

Снимок 3.

Снимок 4.

В степях приволжских, В безбрежной ширях, В горах Урала Разбитые в тайге Сибири.

Стальною грудью, Врагом сметая, Шла с красным стягом Двадцать седьмая.

Заключилась победой гражданская война, но не закончилась на этом боевая история знамени. В 1938—1939 годах на полях сражений, на Хасане и Халхин-Голе снова развешивается оно. В годы Великой Отечественной войны, как символ боевых традиций, хранится в полку его старейшее знамя. С честью продолжили молодые советские воины славную историю своего полка. Полк участвовал в преобразованиях в гвардейский.

В дни работы XX съезда Коммунистической партии это знамя, среди других революционных знамен, было внесено в зал заседаний съезда.

На 4-м снимке — знамя бронепоезда № 10 имени Розы Люксембург. Прочтите надпись на нем:

«Великий труд, твою творим мы волю, Твоих врагов сметаем мы с пути.

Для новой и счастливой доли Мы красный стяг несем всей земли.

Стоиким борцам бронепоезда имени Розы Люксембург от Штаба Восточного фронта».

Долгое время не удавалось найти документов об истории бронепоезда и его знамени. Но вот из Воронежа пришло в музей письмо от полковника в отставке В. Е. Токарева с запросом: «Не хранится ли в музее знамя бронепоезда № 10 имени Розы Люксембург?». Да, хранится, — ответили арестату и одновременно просили В. Е. Токарева сообщить, что известно ему об этом бронепоезде и его знамени. В. Е. Токарев, который как выяснилось, командовал бронепоездом, ответил, что бронепоезд был награжден знаменем за боевые подвиги приказом М. В. Фрунзе, а автором надписи в стихах является член Революционно-войсковой группы войск Восточного фронта В. В. Куйбышев.

И вот еще одно знамя (снимок 5-й). «За беспримерный по доблести Волочаевский бой 12 февраля 1922 года», — написано на его полотнище. Это знамя было вручено 6-му Волочаевскому стрелковому полку, как знак награды «за неослабные заслуги перед революцией». В. Е. Токарев, командуя группой бойцов, участвовавших в сражении, описывал в своем рассказе «Волочаевский бой» подвиги бойцов полка в борьбе с белоказаками. В этот солнечный, по-весеннему теплый воскресный день жизнь дивизии шла своим чередом, на стрельбище проходили стрелковые состязания. Лыжники участвовали в традиционных соревнованиях на приз В. Пешехонова.

Я спросил моего спутника, каковы его планы на будущее. Оказывается, он еще не решил — вернуться ли к своим, куда кончат службу, или поедет на целинные земли, где однополчане, ушедшие в запас, основали свои зерносовхозы.

— Время подумать есть, — добавляет он. — Где бы ни работал, а десятилетку закончу. Вот только, может, другим заниматься придется. И на лицо солдата ложатся суровые складки.

Когда добрались до места, он обратил мое внимание на своеобразную боевую реликвию — так Т-34, установленный посреди сквера на высоком, наискось срезаемом постаменте. Кааза, стальная птица взметнулась он над последним вражеским рубежом, да так и замер в победном порыве.

Знамя гвардейское до Праги не несли... Много думалось о нем...

получил наименование «Волочаевский».

Заключилась гражданская война, Разбитые враги, пытавшиеся задуть первое в мире государство рабочих и крестьян.

На знамени (снимок 6-й), врученном в 1923 году парти-

Снимок 5.

ной конференции Петроградского военного округа от беспартийных бойцов и командиров 10-й стрелковой дивизии, начертаны слова:

«РКП(б) под твоим руководством и вместе с тобой, через все препятствия мы шли и пойдём до полной победы пролетарской революции».

Пройшли десятилетия. Отгремели невнятные бои Великой Отечественной войны. Слава новых боевых подвигтов покрывала Советская Армия свои боевые знамена. Но живет и будет жить в веках память о суровых и героических днях гражданской войны, когда на полях сражений решалась судьба завоеваний Октябрьской социалистической революции. Знамена, под которыми сражались советские полки и дивизии на фронтах гражданской войны, напоминают нам о совершенных подвигах и будут напоминать о них последующим поколениям.

Снимок 6.

подполковника С. РЕЙНОВСКИЙ, начальника отдела фондов Центрального музея Советской Армии

Сергей ОРЛОВ

ЗВЕЗДА

Там пахло ваксою, махоркой И влажной теплотой сунка, Где выдал мне ее в калитке Сердитый ротный старшина.

И я не то чтобы беснемо, Но просто прикрипел, как мог, Эмзевый пятиконечный С серпом и молотом значок.

Я не подумал, как автавали С ним в восемнадцатом году, Как коммунистам вырезали Дроздовцы на груди звезду...

Гремела сапогами рота У зеркала тогда подлая, Огнем, газойлем, кровью, потом Не обнесла судьба меня.

Немало полегло навечно Друзей-годков в земле сырой Под алою пятиконечной Красноармейской звездой.

Давно я снял свои погоны, Уже давно другой командир В моем полку краснознаменном Всю службу за меня несет.

Не пишут ничего газеты Про то, чем занят командир, Не потому, что тайна это, А потому, что мы за мир.

Но и теперь дорожке нету Ее, одной на все года, Неси лучи по белу свету, С серпом и молотом звездой!

БОЛЬШАЯ ТЕМА

С. С. СМИРНОВ

1. В советской литературе на всем сорокалетнем ее пути военная тема всегда играла очень видную и важную роль. Роль эта вполне соответствует историческим судьбам советского народа, его великой коммунистической партии и государства. Нет ничего удивительного в том, что советские люди так заботливо и любовно относятся к своим Вооруженным Силам, что армия в нашей стране пользуется такой всеобщей любовью. Не раз приходилось ей держаться в своих крепких и нежных руках будущего своего народа. И понятно, что крупнейшие советские писатели и поэты — Владимир Маяковский и Михаил Шолохов, Алексей Толстой и Александр Фадеев, Николай Тихонов и Александр Твардовский — в своем творчестве постоянно обращались к Советской Армии и ее боевым делам.

Каждый честный писатель, мечтающий и вернее отобразить жизнь людей своего времени, с пылкостью пристальностью вглядывается в современное ему поколение, старается глубже проникнуть в их дела, мысли и чувства, в поисках своего рода «философского камня». Это «философский камень» литературы — те главные, ведущие и определяющие черты характера народа, что вырабатываются в нем в тот или иной период его истории и красной нитью проходят через повесть людей. Это то основное звено, ухватившись за которое писатель может вытащить всю цепь — создать крупные и яркие образы героев своего времени.

Мне кажется, что такой главной, коренной чертой характера советского человека на протяжении его сорокалетней истории является его героическая самоотверженность, удивительное стремление и умение отдавать беспредельно и безраздельно всего себя борьбе за торжество великой идеи, которую он исповедует.

Эту черту наши поколения унаследовали от русских революционеров, от славной ленинской когорты нашей великой партии — старой гвардии большевиков, умевших с гордо поднятой головой идти за народное дело на казнь, на каторгу, в тюрьмы. Эта черта получила свое дальнейшее развитие в нечеловечески трудной борьбе периода Октябрьской революции и гражданской войны.

А разве легкой была наша жизнь в последующие годы, хотя мы и называем ее мирной жизнью? Разве в эти годы не закалялась сталь характера советского человека под ударами гудачных обривов, на обданных лесах Магнитогорья?

Но особенно резко и образно выступает эта черта народного характера в то время, когда борьба становится смертельно острой и человек готов отдать в ней самое дорогое и невзвешивать, что есть у него, — жизнь.

Именно потому, что партия и советская власть на протяжении десятилетий воспитывали наш народ в духе героической самоотверженности в борьбе за идеи коммунизма, эта определяющая черта народного характера с такой всеобъемлющей силой раскрылась в невиданном массовом героизме наших людей в годы Великой Отечественной войны, и перед всем изумленным миром вместо обещанного Гитлером «колосса на глиняных ногах» из ймы титанических сражений на Востоке поднялся величественный образ осененного алым стягом народа — богатыря и героя.

И Сергей Ляликов прочел мне стихотворение — призыв к молодому воину. Когда тебя гвардейцем называют, Я знаю, друг, однополчанам мой. Ты с гордостью законной вспоминаешь Суровый путь дивизии родной. Пусть ты узнал об этом из рассказов Обстрелянных седых фронтовиков, Пусть не встречался ты с врагом ни разу, Но славой боевой родных полков Гордишься ты и дорожишь по праву... Стихи показались мне искренними, идущими от сердца, говорили о том, что пост-самоучка выходит к своей настоящей теме.

С. ЛАРИН, специальный корреспондент «Литературной газеты» №-ский гарнизон

Образ полного героического самоотвержения советского человека-борца с большой действительной силой вытекает со страниц лучших произведений нашей литературы. И с особой яркостью и покоряющей убедительностью выступает этот образ в литературе военной темы. Героика революционных боев и гражданской войны вызвала в жизни величайшие произведения нашей литературы — бессмертные «Тихий Дон». Как наши лучшие современники, вопли в жизнь из книг двадцатых и тридцатых годов фурумановский Чапаев, значительно усиленный замечательным кинофильмом, фадеевский Левинсон, толстовский Телегин и, наконец, любимый герой нашей молодежи — Павел Корчагин. На этих образах воспитывалось, формировало свой характер то поколение, которое дало нам тысячи прославленных героев Великой Отечественной войны — Зоя Космодемьянская и Маресьева, Матросова и Покровщина, Гастелло и краснодонцев, защитников Брестской крепости и сталинградских богатырей, героических ленинградцев и гвардейцев, штурмовавших Берлин. И так же сейчас формирует свой героический характер на образах Зои и Маресьева, сталинградцев и молодогвардейцев нынешнее поколение молодежи — те, кто покерат пелену, детает на сверхзвуковых реактивных самолетах, возводит огромные плотины на необузданных сибирских реках и управляет освобожденной мощью атома. Так в непрерывной преемственности славных традиций поколений развивается героическая черта характера нашего народа и образы героев переходят из жизни в литературу и снова из литературы в жизнь.

Писатели в годы войны были в одном боевом строю с народом. Свидетельство тому — не только мраморная доска, висевшая в Центральном Доме литераторов в Москве, где золотыми буквами высечен длинный ряд имен писателей, погибших смертью храбрых на фронтах Отечественной войны. О том, как выполняла советская литература свой долг перед народом, красноречиво говорят такие произведения писателей-фронтовиков, как «Василий Теркин» А. Твардовского, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Звезда» Э. Казакевича, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «За правое дело» В. Гроссмана и десятки других правдивых и ярких книг.

2. Достижения нашей военной и послевоенной литературы о войне бесспорны. И все же мы, литераторы, еще остаемся в большом долгу перед героями Великой Отечественной войны, перед всем нашим народом, совершившим подвиг, такого которому не было в его истории. Такой подвиг великой была эта священная народная война, что все, написанное о ней с пор о ней в нашей литературе, кажется несоизмеримо малым рядом с ее колоссальными событиями.

В нашей литературе о Великой Отечественной войне есть обильные и непростибельные пробы и упущения.

Прежде всего мы в долгу перед самым трагическим и самым героическим периодом войны — перед незабываемым 1941 годом, который горит, как жестокий рубец боевой раны на теле народа. Сколько тысяч матерей в вдов еще хранят пожелтение, не просыхающее от слез листки с коротким «прощай без вести» или с более длинным, но менее взвешиваемым и до боли обидным: «в списках убитых, раненых и пропавших без вести не значится!» И мы бессильны облегчить хоть чем-нибудь это горе — таквы были трагические условия нашей борьбы в 1941 году. Сколько за эти скучными, холодными словами официального сообщения открыто, и быть может, навсегда, уничтоженных подвигов, сколько скрыто безвестных, порою непохожих героев, сражавшихся до последнего вздоха во вражеском тылу, сражавшихся «не ради сла-

вы, ради жизни на земле» и сложивших головы в лесах и болотах Белоруссии, в степях Украины, на прибалтийских холмах. Что же, если в силу обстоятельств они не значились в списках, они должны, обязаны «значиться» на страницах наших книг.

Между тем наша военная литература до сих пор предпочитала изображение второго, победного периода войны, забывая 1941 года. И если сейчас начинаешь вспоминать, какие произведения посвящены этому году, то, кроме «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Волоколамское шоссе» А. Бека, первой книги «Великой березы» М. Бубеннова, «Лангудец» В. Руного, да еще двух-трех книг, ничего не приходит на ум.

В известной степени здесь сказались отрицательное воздействие культуры личности и возникновение теории «активной обороны» в 1941 году, которая изображала отступление и неудачи нашей армии в этот период, как следствие заранее продуманного плана. Тогда писатель мог справедливо сказать, что он предпочитает вовсе не касаться тех или иных событий, чем изображать их в противоречии с исторической правдой. К счастью, вымышленная теория «активной обороны» теперь полностью развешана, и 1941 год с его титаническим размахом событий и сверхчеловеческим гением человеческих страстей ждет своих художников.

Это тем более благородная и благородная задача, что именно там, в до предела напряженных трагических событиях 1941 года, надо искать ключ ко всей Отечественной войне, к ее дальнейшему пелому, к нашим поразительным победам 1944—1945 годов, к тому, что за границей нередко называли «русским чудом».

Чую это, тогда еще незаметное, родилось именно в страшных испытаниях 1941 года. В тот час смертельной опасности, оставшая свою землю врагу, обращаясь мыслями к судьбе наших людей, нашего великого дела, за которое мы уже столько отдали, с леденящим ужасом думаем о том, что может быть, — мы, как никогда до этого, ощутили всю неизмеримую глубину своей любви к Советской Родине, всю неразрывную, кровную связь с идеей, живым воплощением которой стала наша страна. И мы поняли, что это «может быть» — невозможно. Там, на горьких путях отступления, в окружениях, в арьергардных боях, в дыму пожаров и в пыли дорог, вехих на восток, созрела наша решимость бороться не на живот, а на смерть, истребить последние остатки фашизма и самоуверенной безопасности, мы разглядели и поняли жестокого и сильного врага, и в наших сердцах родилась та ненависть, которую могла утолить только победа.

В том памятом году уже проявилась во всей своей широте героическая самоотверженность нашего воина. Защитники Брестской крепости, Лапинская пограничная застава на Украине, Зелья и Ханко — это лишь немногие известные нам факты. Мы не знаем имен тысяч героев пограничного сражения, бесчисленных боев на промежуточных рубежах, юростных схваток в окружениях, не знаем потому, что имена эти были смты валом фашистского нашествия и люта погубила в безвестности вражеского тыла или попали в гитлеровские концлагеря. Какое здесь огромное поле для исследований историка, для работы писателя!

Тогда, в сорок первом, рождался солдат-сталинградец, солдат-освободитель Европы, солдат, которому предстояло взять Берлин. Тогда в непрерывной и тяжелой цепи сражений выдвинулись сотни новых полководцев — будущие прославленные генералы и маршалы. И в том же сорок первом году в обиход тылах — в нашем и вражеском — коммунистическая партия и Советское государство с неискаемой энергией и колоссальным размахом развернули свою огромную организаторскую деятельность, закладывая основы будущей победы. Шли на восток, встречали войскам, шлоны с заводами-бентнями, в двух-трех степях (Окончание на 2-й стр.)

Солдат пишет стихи...

После «гражданки» трудно сразу привыкнуть к размерному армейскому порядку, в котором все, начиная от стрелительных ранних подъемов вплоть до внезапных ночных тревог с выходом на учения, подчинено тому, чтобы сделать из юности война, воспитать в молодом патриоте стойкость и опытность надежного защитника Отечества.

Сын солдата, часто слышавший от отца рассказы о суровом воинском долге, Сергей Ляликов, быть может, быстрее и проще других вошел в непривычный для него армейский ритм. Однако и ему все это давалось далеко не просто. Большим напряжением воли и сил.

Стихи, которые он когда-то писал, пришлось забросить: было не до них. Все, что было связано с прошлым — с тихой, неторопливой жизнью далекого алтайского села, представлялось теперь ненужным, ненастоящим и зыбким; еще более расплывчатыми казались сами стихи — безобразные и тревожащие.

Воинская служба в непролазной дивизии заставляла каждого новичка незлобно подтягиваться, стать лучше, тверже, выносливее. Попав сюда, нельзя было не проникнуться славными героическими традициями воинов дивизии. Солдат Сергей Ляликов почувствовал это с первого дня, когда новое пополнение привели в комнату боевой славы и один из ветеранов коротко ознакомил с фронто-

вым прошлым дивизии, прошедшей в годы Отечественной войны славный боевой путь от Воронежа до Праги. Ей не раз салютовала Москва, она была награждена орденом Ленина и носила гордое имя Гвардейской Кантемировской. Ляликова потряс своей высокой человечностью подвиг младшего сержанта В. Пешехонова. Полный сил, молодой солдат бросился на вражеский доз, чтобы прикрыть своих от пулеметного огня.

Он долго вглядывался в портрет Пешехонова, стараясь угадать какую-то мысль, ускользнувшую от всех, безмолвно стоял перед картиной полного художника, запечатлевшего последнего, смертный бросок молодого героя. Постепенно в нем ожить проснулось та же, что поэзия, но для этой полной и неслетко трудная солдатской жизни нужно было искать какие-то другие, новые слова. В перерывах между занятиями его рука снова тянулась к карандашу, чтобы записать удачно найденную строку, случайно пришедшую яркую рифму.

Миновали трудности первых месяцев. Появилось и время, которого вначале не хватало даже на то, чтобы черкнуть до мой пару строк: можно было чаще бывать в библиотеке.

В читальном зале и свела нас молодая библиотекаря, не без гордости рекомендовавшая Ляликова как человека, перешедшего у нее «всю поэзию». В его абонементе, действительно, почти

нем несли... Много думалось о нем...

не было ни одного названия, которое бы не было связано с именем Ляликова. Он был известен не только в читальном зале, но и в библиотеке. В читальном зале и свела нас молодая библиотекаря, не без гордости рекомендовавшая Ляликова как человека, перешедшего у нее «всю поэзию». В его абонементе, действительно, почти

Советские писатели всегда были тесно связаны с жизнью армии, а в годы Великой Отечественной войны связь эта проявилась с новой, невиданной силой. Более тысячи литераторов сражались на фронте, выполняя трудную работу армейского газетчика.

По-разному складывались их биографии. Военная биография А. Гайдара была короткой, но такой же пламенной, как его книги, на которых воспитывалась советская молодежь. Гайдар отправился на фронт военным корреспондентом «Комсомольской правды», вскоре его часть попала в окружение, и он ушел к партизанам, став пулеметчиком в их отряде. 26 октября 1941 года Гайдар погиб в бою у деревни Лепель.

Дважды дважды воевал в Москве от фашистской бомбы погиб замечательный советский драматург А. Афиногенов. В Ставский вошел в Великую Отечественную войну испытанным бойцом. У него за плечами — бой на Халхин-Голе и с белофиннами. С первых же дней войны в центральных газетах появляются пламенные фронтные очерки Ставского. Осенью 1943 года В. Ставский погиб.

С первого до последнего дня обороны Севастополя пробыв там поэт С. Алымов. Активно работая во фронтовой газете, участвуя в ожесточенных боях, С. Алымов успевал почти ежедневно вести дневник.

Особой полнотой отличаются записные книжки военного корреспондента «Правды» П. Лидова. Он был первым журналистом, собравшим материалы о подвиге Зои Космодемьянской и написавшим о ней замечательный очерк «Таня».

Военными корреспондентами были Д. Алтаузен, Б. Горбатов, Д. Кедрин, А. Недогонов и многие другие писатели, материалы которых собраны Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР.

Публикуемые отрывки различны по жанру и содержанию, но все они говорят о подвигах советских людей в войне против фашистских захватчиков, все они проникнуты непоколебимой верой в победу и любовью к Родине. (Тексты подготовлены старшим научным сотрудником ЦГАЛИ Н. Овсянниковой).

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ В. СТАВСКОГО
НОЯБРЬ 1941 г. Нет, Москва не будет сдана! Думает каждый солдат, сжимая оружие, в твердой решимости бороться до конца.
 Ты слышишь нас, Родина!

В. Ставский на передовых позициях.
А. АФИНОГЕНОВ
МОСКВА В ЭТИ ДНИ

«Слушайте, говорят Москва... Шесть часов по московскому времени... от советского информбуро...»

Так начинается свой день сегодняшняя Москва. Миллионы людей в самой Москве и по всей стране слушают, затая дыхание, первую утреннюю сводку с фронта боевых действий. Как там? Там, на Западе, на Севере, на Новогорь-Вольском направлении, в Бессарабии — везде, где простерся громадный фронт Отечественной войны. Как там?

Трудно бывает, порой, уловить быстрые изменения направлений и ударов, но чуткое ухо жаждо ловит малейшие колебания линий сражений... Куда бросается остервененный враг, где сегодня пробует он вклинуться... Где дали мы ему по зубам и перешли в контратаку...

Одно чувство владеет всеми, кто слушает сводку, одно неукротимое желание — остановить фашистский напор, раздробить его силы, опрокинуть назад... Вот почему так внимательно слушается вторая часть сводки, та, где в коротких, скупых словах рассказывается о мужестве и героизме нашей армии, о подвигах и славе наших братьев, сыновей, отцов...

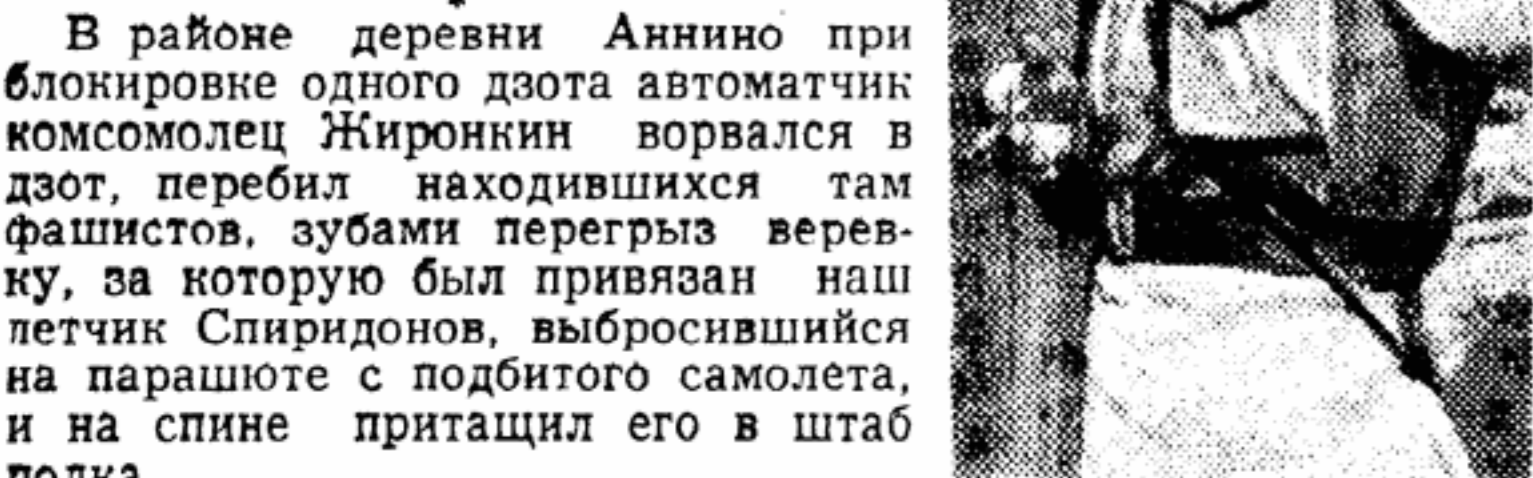
Здоровцев, Жуков, Харитонов... Первые три Героя Советского Союза Отечественной войны. Они открывают собой список награжденных летчиков и воздушных стрелков. Их 86 в сегодняшней газете. Газета расклеена на щите у памятника Гоголю на Гоголевском бульваре. Памятник обнесена цветами, цветы высажены в грунт, образует нежный зелено-вазелиновый ковер у подножия памятника, где утром уже играют дети... А взрослые стоят у щита с газетой и читают список первых героев. Вон они, наши, наши близкие и родные защитники... Они, принявшие первые бои с врагом, нашедшим из-за угла... Со всех концов великой страны поднялись и двинулись они на фронт.

...Москва создала ополчение, ни на минуту не ослабляя ритма производственной жизни. Москва послала в ополчение много десятков тысяч своих сыновей, но все так же бесперебойно работают московские заводы, все так же перевыполняют они оборонную свою программу. Идет народное ополчение. Отряд прошел. Завершили застоявшиеся трамваи. Ринулись дальше автомобили. Сомкнулся встречный пешеходный поток. Все, как прежде, — до войны, до 22-го июня... И все по-другому. Иное выражение лиц. Иные маршруты поезда. Иной пульс жизни. Все для войны. Все для фронта. Эти простые слова лозунгов глядят на нас со стен московских домов. И слова эти понятны всем. Потому что каждый из нас так перестраивает свою жизнь сейчас, чтобы жизнь эта предельно отвечала требованиям грозного времени. Вот почему, когда всматриваешься в лица встречных, — во всех них отблеск общую черту выражения — какая-то особая внутренняя собранность, строгость, подтянутость. Как ветром сдуло мирную беспечность повседневных дел, нетерпеливое благодушие, душевную лень... Опахивающее дыхание войны — закаляет сердца. Ибо эта война — война всего народа за жизнь свою, за свою Родину.

...Тяжелые, грозные дни, и, как никогда, уверены мы в своей победе...

(Из черновых набросков неопубликованной статьи)

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА П. ЛИДОВА
 11 июля 1942 г.
 13 бойцов во главе с политруком Климаевым на танках было высажено в районе дер. Шпилево для блокировки дзотов. Они были окружены. Ни один боец не дрогнул, все сражались до последнего патрона. Трое вырвались, остальные во главе с Климаевым погибли смертью героев.

ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОЙ СЕКЦИИ ССП В ВОЕНКОМАТ КРАСНОГВАРДЕЙСКОГО РАЙОНА ГОР. МОСКВЫ

«Т. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович — орденосец, талантливый писатель, активный участник гражданской войны, бывший командир полка, освобожденный от военного учета по болезни, в настоящее время чувствует себя вполне здоровым и хочет быть использованным в действующей армии.

Партбюро и Оборонная Комиссия Союза советских писателей поддерживает просьбу т. Гайдара (Голикова) о направлении его в медицинскую комиссию на переосвидетельствование, 14 июля 1941 г.

(Подпись)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Сибирь и Казахстана возникали промышленные предприятия, все огромное хозяйство страны бурно перестраивалось на военный лад, и лозунг — «Все для фронта!» — поднимал на трудовые подвиги миллионы тружеников советского тыла. А во вражеском тылу посланцы партии уже понимали на барьер народ оккупированной земли, создавали сеть коммунистического подполья, формировали ядро партизанского движения, впоследствии превратившегося в грозную силу.

Все это, впоследствии выросшее, сложившееся воедино и определившее неизбежность нашей победы, родилось и зародилось тогда, в героическом и трагическом сорок первом году. И с досадным недоумением думаешь о том, как мало показались этот год в своих произведениях наши писатели.

3. Еще одна, не менее важная проблема в литературе о Великой Отечественной войне. У нас есть хорошие книги, правдиво показывающие борьбу на фронте, борьбу наших партизан в тылу врага, деятельность коммунистического антифашистского подполья на оккупированной захватчиками земле, в той или иной мере отражен и трудовой подвиг народа в годы войны. Но у нас нет пока значительного произведения, показывающего борьбу, быть может, самую трудную и оказавшуюся самой неблагоприятной, — борьбу и стойкость наших людей в странном гитлеровском плену. Лишь совсем недавно появилась рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека», вызвавший большой интерес читателей.

Тысячи и тысячи советских людей, честно сражавшихся за Родину с оружием в руках, одни без чувств, раненные или контуженные, другие в силу иных, не зависящих от них обстоятельств, оказались в руках врага. И такие чудовищные и долгие страдания выпали на их долю в фашистских лагерях, что по сравнению с этим смерть в бою казалась многим из них благодеянием. Что только не делали их палачи, чтобы сломить их волю, принудить работать на врага, заставить изменить Родине! Когда медленная и бессласная смерть неотступно грозит тебе, когда самые изощренные физические и моральные пытки становятся твоим бытом, когда на протяжении долгих месяцев и даже лет твоё человеческое достоинство втаптывается в грязь, выстоять в этих условиях — значит совершить настоящий подвиг во имя Родины. А ведь лишь ничтожная часть советских узников гитлеровских лагерей не выдержала этих тяжелых испытаний. Подавляющее, абсолютное большинство наших военнопленных выстояло, вопреки всем усилиям палачей, и сохранило незыблемую честь и достоинство советского гражданина и воина. И многие тысячи из этих людей не только выстояли и выжили все, но и находили возможность для создания подпольных организаций, для активной борьбы, саботажа, диверсий. Разве не является это одним из самых убедительных доказательств несокрушимой прочности наших идей, с такой силой вошедших в сознание народа, воспитанного партией коммунистов.

Сотни книг написаны на Западе о движении сопротивления в гитлеровских лагерях, и имена героев этого сопротивления давно широко известны. В нашем тылу мы можем назвать лишь два имени — Дмитрия Карбышева и Мусы Джалиля, ставшие известными нам благодаря сообщениям, полученным из-за рубежа. Мы, по сути, не знаем других имен героев фашистского плена, хотя, по свидетельству иностранных узников гитлеризма, именно советские пленные в подавляющем большинстве случаев становились центром сопротивления в лагерях, организаторами подполья, инициаторами отчаянно дерзких коллективных побегов, зачинщиками и руководителями восстаний.

Маршал А. М. Василевский, выступая на первой Всесоюзной конференции ветеранов войны, привел характерный пример. В Западной Европе широко известно имя советского майора Павлова, который был организатором и руководителем крупного восстания пленных в лагере Маутхаузен. Между тем у нас до сих пор почти ничего не известно об этом человеке и остается невыясненной его судьба. Нет сомнения, что сейчас, когда развертывается своя работа Советский комитет ветеранов войны, мы узнаем о многих подобных героях.

Долг наших военных писателей — обратиться к этой теме, чтобы в нашей литературе рядом с образами фронтовика, партизана, подпольщика, труженика тыла по праву занял свое место образ стойкого советского военнопленного, активного борца в гитлеровском неволе.

Много замечательных, важнейших событий Великой Отечественной войны еще остается за пределами нашей военной литературы. До сих пор, если не считать «Ленинградского дневника» О. Берггольц и еще двух-трех произведений, героико-трагическая эпопея Ленинграда не получила достойного отражения у наших писателей. Еще жлет слово художников героическая оборона Одессы и Севастополя. Кроме «Весны на Одер» Э. Казакевича и талантливой, но не лишенной недостатков книги А. Гончара «Знаменосцы», у нас нет заметных произведений о великом освобожденном походе Советской Армии, о том, как ценою крови и жизни наших людей были вырваны из гитлеровской неволи народы Восточной и Центральной Европы.

Если наши писатели во многих произведениях сумели нарисовать образ солдата Великой Отечественной войны, с наибольшей яркостью воплощенный в «Василии Теркине» А. Твардовского, если в ряде повестей и романов мы встречаем более или менее удачные фигуры офицеров-фронтовиков, то образ советского полководца, генерала и маршала фактически отсутствует в нашей военной литературе. «Ночь полководца» Г. Березко, образ Черняховского в романе белорусского писателя П. Мележа «Минское направление» — документальная книга М. Брагина о Ватулине — вот, по существу, все, чем мы располагаем. Правда, изображение крупного полководца требует от писателя знаний в области военной науки и военного искусства, но задача эта очень важна, и будем надеяться, что у нас появятся произведения с яркими образами генералов и маршалов — непосредственных организаторов и руководителей великих победоносных сражений Советской Армии.

4. Литература и история — родные сестры. Это особенно верно по отношению к литературе военной темы, которая неизбежно смыкается с историей. Военный литератор нашего времени не может не быть историком, и прежде всего историком Великой Отечественной войны. И, думается, он не должен ограничиваться лишь использованием истории применительно к задачам своего художественного творчества, и обязан принять непосредственное участие в создании истории борьбы нашего народа против гитлеризма.

Крупнейшие русские писатели всегда глубоко занимались историей своего народа и активно способствовали ее обогащению. Достаточно вспомнить, сколько сделал, как историк, наш великий Пушкин, оставивший не только «Капитанскую дочку», но и замечательную «Историю Пугачева». Таким важным делом для наших военных писателей должно быть участие в создании истории Великой Отечественной войны.

Разве терпимо положение, когда у нас еще нет ни одного общедоступного большого труда по истории второй мировой войны, в то время как в Западной Европе и США вышло уже несколько таких трудов, в том числе и многотомных. При этом, выполняя социальный заказ своих империалистических хозяев, авторы большинства таких «Историй», одни в большей, другие в меньшей степени, замалчивают или всячески преуменьшают решающую роль Советской Армии в ходе и исходе второй мировой войны.

Типичным примером такого труда является шеститомная работа бывшего английского премьер-министра Уинстона Черчилля — «Вторая мировая война», искажающая многие общепознанные исторические факты. Черчилль иногда отвечает в нашу сторону поклоны и реверансы, упоминает о «замечательном сопротивлении русских» или о «великолепных победах советских войск». Но чего стоит эти вынужденные поклоны, если по исторической концепции Уинстона Черчилля центр событий от стен Сталинграда и орловско-курских полей переносится на глухую африканскую окраину войны, где сражались несколько английских и германских дивизий.

В той или иной, но уже в меньшей степени свойственны подобные недостатки и недавно изданный у нас в русском переводе «История второй мировой войны» немецкого генерала К. Типпельскирха и работы английского военного историка генерала Дж. Фуллера «Вторая мировая война 1939 — 1945 г.». Оба автора, каждый со своих позиций и со своим заданием, также преуменьшают и ослабляют значение и размах борьбы советских войск.

Решительно пора противопоставить этим нарочито искажающим правду трудам буржуазных историков нашу советскую, марксистскую историю второй мировой войны вообще и Великой Отечественной войны в частности. Военно-исторические работы должны стать не только достоянием армии, но и всего народа. И нужно, чтобы наши военные писатели принимали в этом важнейшем общественном деле самое активное участие. Нам нужно создать не свод сухих оперативно-стратегических статей по важнейшим операциям на советско-германском фронте, а общедоступную историю минувшей войны, которая совместила бы грамотное в военном отношении описание хода боев с созданием живого, художественного «образа» крупнейших сражений, каждое из которых имеет свое собственное, неповторимое «лицо». Следует подумать о том, чтобы объединить группу военных историков и писателей с целью создания подобных трудов.

Есть область военной литературы, которая непосредственно совпадает с историей, объединяется с ней. Это литература документалиста, мемуарная.

В послевоенные годы у нас появился ряд хороших книг мемуарного характера. Достаточно назвать «Людей с чистой совестью» П. Вершигори, «В годы великой войны» И. Левченко, «Сильные духом» Д. Медведева. И все же мы явно отстаем в этой области, хотя материала для подобных книг у нас больше во много раз и сам материал этот необычайно яркий и волнующий. Между тем развитие этих важных жанров не поощряется и в Союзе писателей. Нередко автор-документалист встречает несколько пренебрежительное отношение к своим произведениям, как в литературе «второго сорта». А ведь задача документалиста подчас более сложна

и труднее, чем задача писателя, работающего, как сказать, на домыслах, — документалисту приходится быть исследователем, кропотливым собирателем материала, и при воплощении его замысла в произведении он встречается с трудностями особого рода, совмещающая с художественным положением требования жестких рамок документальности.

В первое время после войны у нас получила распространение так называемая литературная запись, когда литератор, объединившись в работе с «бывалыми человеком», создавал с ним произведение документально-мемуарного жанра. Это сотрудничество давало хорошие плоды и породило такие добротные книги о войне, как «От Путивля до Карпат» С. Ковпака в записи Е. Герасимовой, записки известного летчика И. Кожедуба в записи А. Худякова, мемуары партизана П. Игнатова «В подполье Краснодара» в записи П. Лопатина и другие. Однако этот вид литературной работы пока не получил поддержки в Союзе писателей и в издательствах. Писатели, работавшие с «бывалыми людьми», оказались ущемленными в материальном и правовом отношении, и литературная запись, к сожалению, захирела. И хотя вопрос об упорядочении этого рода писательского творчества ставился и на страницах «Литературной газеты», и в Союзе писателей, практически ничего сделано не было, и мы лишились многих интересных книг, которые могли бы быть созданы в таком содружестве. Возродить и оживить литературную запись — важная задача писателей.

Много раз мы ставили вопрос о создании «кабинета мемуаров», вроде того, за который ратовал А. М. Горький. Два журналиста или литератора из числа энтузиастов мемуарной литературы, две стенограммки да магнитофон — вот все, что нужно было бы для такого кабинета. Сюда могли бы приходить герои гражданской и Отечественной войны, партизанского движения, антифашистского подполья и другие люди с интересной, богатой биографией, много видевшие и пережившие. Стенограммы бесед с ними составили бы важный фонд такого кабинета. Его сотрудники могли бы выезжать в другие города для записи воспоминаний замечательных людей нашей страны. Каким важным делом это было бы для истории нашей Родины, каким неисчерпаемым источником живого, яркого жизненного материала стал бы такой кабинет для нас, писателей! И ведь для создания его потребовались бы просто мизерные средства.

Об этом «кабинете мемуаров», или «кабинете литературной записи», много говорилось на совещании военных писателей весной 1955 года. Вопрос был в принципе решен, но затем его похоронили, «переукурили», то есть выдвинув идею создания мощной организации подобного типа, чуть ли не «министерства литературной записи». Так и остался этот проект погребенным. Быть может, сейчас его было бы уместно возродить и организовать такой кабинет при Советском комитете ветеранов войны.

5. В этой статье по преимуществу идет речь о литературе, посвященной Великой Отечественной войне. Но сейчас, накануне 40-летия советской власти и последующего за ним 40-летия Советской Армии, не менее важной задачей наших военных писателей является создание произведений о гражданской войне, о великой и трудной борьбе нашего старшего поколения, отстоявшего в жестоких боях молодое Советское государство.

Нам нельзя забывать и о другой важной задаче военной литературы. В наших произведениях еще очень мало показана армия послевоенного времени, качественно новая, с новейшей техникой, с высоким уровнем подготовки солдат и офицеров. Нам еще предстоит показать армию мирного времени как замечательную школу характеров, воли и больших технических знаний.

В недавнем прошлом военным писателям пришлось вести борьбу против неправильной тенденции в отношении к литературе о войне. Находились люди, которые считали, что будто бы читатель потерял интерес к военной теме в литературе. Сейчас неправильность таких утверждений очевидна, но, к сожалению, в издательствах и редакциях порой еще встречаются рецидивы подобного взгляда.

Наш народ, мирный и трудовой, как и все другие народы, ищет отвлечения к войне. Ни один народ не понес таких жертв и не перенес таких лишений, как советские люди в последней войне. И поэтому мы с такой последовательностью ведём и будем вести борьбу за мир.

Но любовь народа к войне вовсе не означает пренебрежения в своей славной истории, в своем героическом подвиге. Наш народ всегда бережно хранил в своей памяти воспоминания о боевых делах минувших дней, чтя и уважал борьбу своих предков. А Великая Отечественная война для него — не столько история, сколько живая биография, омытая его кровью, его слезами. В этой славной боевой биографии так много замечательных героических страниц, что, перелистывая их, он черпает в прошлом силы для новой борьбы на мирных трудовых фронтах, он воспринимает на этих страницах своей славы молодые поколения граждан-героев.

Вот почему военная тема была и будет большой темой нашей советской литературы.

Фронтальная дорога
 «Правда» в окопе
 Рисунки художника Н. Н. Жукова

С. АЛЫМОВА
 6 мая 1942 г.
 Все в цвету. Лес стоит весь в белой пене.
 Мы приходим на КП батареи...
 Комбат Емельянов: — В декабре весело было. Крошили врагов. Занимали высоту 38. Штурмом. Иногда не удается взять фронт — далеко. Я и так нарушил технические правила — к заряду прибавил два полузаряда, — все равно достал, а шло до двух батальонов немцев.
 Каменные ворота, хутор Казакуба, куда раньше ходили в разведку...

Немцы неопикуемо боялись матросов. Взятый в плен обер-ефрейтор и другой офицер, когда их вели, бились головой о камень — «Матрос капут»...

В 12-ть ночи ходили на обрыв... «Орлята» не подкачали. Вслед за залпом — начали бить наши минометы, пулеметы и все, из чего стрелять можно. На фронте — только начин, сразу подхватывает. Высота против пика осветилась прозрачным зелено-голубым фосфорическим светом — это встревоженные немцы усиленно начали пускать ракеты.

7 мая 1942 г.
 Проснулся в 7 утра. Солнце светит в росе. Лес оглушен птичьими голосами — все птицы стараются дать все, что могут, какая-то олимпиада птичьей самодеятельности, концерт, своеобразный конкурс певцов.
 — Ишь заливаются, — говорит помощник Дивнова...
 — Тут у нас и кукушки, и дрозды, и пеночки, и славяне соловьи. Соловьи здесь царствуют. Всю ночь щекают.
 Ночью немецкий самолет сбросил бомбы. Зрелище всякий раз потрясающее. Небо, расчерченное прожекторами, фейерверк трассирующих пуль — концерт огня...
 Низко рвались бомбы замедленного действия.
 Заросли шиповника, дикая яблоня...

Под Балаклавой оккупанты пошли в наступление — бросили 10 танков. Шесть сразу мы подбили — остальные драпанули. Крепко дали по зубам. Отбросили.

ПИСЬМО Д. АЛТАУЗЕНА К ДРУЗЬЯМ
 10 февраля 1942 г.

«На войне я уже обаялся. Стал типичным фронтовиком. Только вот не хватает мне закурыть махорки и выпить положенные всем сто грамм водки. Не плюй из-за сердца, а не курю по привычке, а в остальном — типичный фронтовой волк. Все уже поводам, сам поживал во многих ситуациях неприятного свойства и, как видите, жив и почти здоров. Не огорчайтесь, что Вы работаете в тылу. Здесь особенно чувствуешь, что без вашей помощи тыла никакую войну вести нельзя. Война эта затяжная и жестокая, поэтому нужно набираться мужества и терпения...»

ЗАПИСЬ В ДНЕВНИКЕ Б. ГОРБАТОВА
 Есть дни, которые никто не смеет забывать. Горькие — они жгут сердце, страшные — они зовут к мщению. 1943 г.

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСИ А. НЕДОГОНОВА
 20 декабря 1942 г.

Дорога войны. На дорогах и в пещерах, в заснеженных юкатках — останки орудий, стореших танков с черными крестами, «Фляги» с пробитыми радиаторами и развороченными внутренностями, темно-зеленые группы итальянцев, марширующие дороги, мосты, переходы, колонны автомашин. Овраги на села: первые признаки бегства... — кучи открыток и писем с почерками неополитанных, сицилийцев, римлян... Догогорающие хаты. Трушный запах. Колхозники, выходящие из тюрем-землянок.
 Крупные партии пленных итальянцев...

1943 г.
 Было, когда полк, ведя бой против арьергардов противника, проходил по двадцать-тридцать километров в один сутки, но было и такое, когда каких-нибудь сто метров этот же полк проходил в 2—3 дня. В дозвонении находилась 44 горючих: «Наступая, 130 ГИСП занял крупный населенный пункт и продвинулся дальше на юго-запад на 500 метров».
 Как не легко давалась победа!

ПИСЬМА Д. КЕДРИНА К ЖЕНЕ
 24.VI.1943 г.

Милая!
 Видно, я не смогу послать тебе это письмо раньше, чем вернусь в свое постоянное место. Поэтому просто буду продолжать его. Когда я пишу тебе, мне кажется, что я с тобой разговориваю. Дни стоят совсем золотые. Весь лес пахнет массой, растопившейся на солнце. Лес — кругом, и везде smell цветов. Хочется пойти за ними в его глубины. Но сходить с проложенных дорожек нельзя: по их сторонам — низкие столбики и на них — фанерные досочки с надписями: «Осторожно, мины». В лесу — тысячи оставленных немцами мин, в лесу и сам воздух пропах вражескими трупами, во многих местах лежат их трупы, разлагаются на солнце и отравляют воздух. Между прочим, интересно то, что в последнее время у немцев появился новый вид торговли: мы сбрасываем в их расположение листовки — «пропуска в плен», и те счастливые, которым удалось их подобрать и спрятать, — за большие, говорят, деньги перепродают их своим товарищам, желающим сдаться в плен. На моей земле цветут васильки. Васильки стоят у меня на столе в гильзе от снаряда какой-то маленькой пушочки...

26.VI.1943 г.
 Продолжаю мое письмо, тебе, родная.
 Сейчас — ночь. Ночи совершенно здесь белые, я сижу на пороге землянки и пишу. Где-то в лесу ливень и сонно шелкает соловей. Сейчас прошла гроза. Ее раскаты смешиваются с пушечными, и трудно было понять — где орудия, а где гром. Небо — бледно-желтое. Оно не гаснет всю ночь и на его фоне, как на экране, видны немецкие самолеты, которые осмеливаются залетать сюда. Их быстро выстреливают, а иногда и «приземляют». Я познакомился тут с исключительно интересными людьми... и именно с ними я хорошо себя чувствую.

Если бы ты знала — сколько в них дерзкой отваги, спокойного мужества, какие это замечательные русские люди! Это — совсем особая порода людей... Одному из них всего 25 лет. Он носит длинные русские усы. Бакенбарды, ему можно позавидовать 40. Он похож на Дениса Давыдова, он 1008 раз досаждал немцам, они знают его по фамилии, ненавидят, боятся и называют «князь тьмы», и еще — «стоячая смерть». У него 3 ордена. Это галантный, веселый и страстный человек, настоящий офицер в самом лучшем смысле этого слова. После его посещения на их территории [заятой фашистами] растут десятки новых могил, и на одной из них я прочитал недавно melancholicкую надпись: «Горек покой в чужой земле». Да, он действительно горек. Но кто их звал в эту чужую им землю? Если они пришли на нее, — они смешаются с нею, она поглотит их.
 Что мне особенно нравится у здешних людей, — это абсолютная, непоколебимая уверенность в победе. Это знают также, что немцы еще сильны и могут выкинуть любую подлость, и все же отношение к немцам здесь — только ироническое. Эта ирония, однако, не значит, что к ним относятся добродушно. У людей, живущих тут, с немцами особые и сложные счеты. Здесь почти нет людей, которые или сами не были бы по несколько раз ранены, или не похоронили бы своих друзей, убитых ими...
 Начинает светать. Смолкает перебранка наших пушек с немецкими. Вся ночь они вели дуэль друг с другом. В белых рубашках выходят из землянок люди и идут умиываться. А я сейчас кончу это письмо тебе и займусь спать часов до 12 дня... В нашей комнате полутемно и на моем столе, на верное, цветы.
 Спокойного вам сна, родные.
 Твой Миша

Вопрос, который ждет решения

На Украине работает большой коллектив художников, творчество которых широко известно за пределами республики. Украинское изобразительное искусство давно и прочно утвердилось в выставочных залах и музеях нашей страны, а также за рубежом.

Как же обстоит дело с изучением и пропагандой изобразительного искусства на Украине?

Нельзя сказать, что творчество художников совсем не находит отражения в трудах искусствоведов. В последние годы Издательство изобразительного искусства и музыкально-литературный вуз выпустили в свет несколько популярных монографий, посвященных ряду дореволюционных и советских украинских художников. Несколько небольших работ, подготовленных украинскими искусствоведами, вышло в московских издательствах. Однако среди выпущенных книг нет капитальных исследований, серьезных проблемных работ, до сих пор не создана история украинского искусства.

Что же мешает развитию искусствоведческой мысли на Украине? Прежде всего — творческая разобщенность искусствоведческих кадров: в республике нет единого научно-исследовательского центра, способного и правомочно решать коренные вопросы искусствоведения и художественной критики.

Одно время такой центр стал складываться при Академии архитектуры УССР. Группа искусствоведов, художников и архитекторов во главе с академиком В. И. Зabolотным начала разрабатывать общие вопросы украинского искусства. Материал, накопившийся в результате изучения литературных и архивных источников, а также научные экспедиции позволили сделать первый, но весьма важный шаг — подготовить и издать на правах рукописи обширные программы по истории украинского искусства. Редакционная комиссия обратилась к творческим работникам с призывом развернуть исследовательскую деятельность с тем, чтобы уже в ближайшее время можно было приступить к созданию капитального труда.

Но не так давно при реорганизации Академии архитектуры в Академию строительства и архитектуры УССР, к сожалению, были ликвидированы и институты художественной промышленности, а также монументальной живописи и скульптуры, сотрудники которых в свое время велись за создание истории украинского искусства. Краткий очерк они обещают все же довести до конца, а вот что будет с остальными работами, сейчас еще только неизвестно: ведь институты то ликвидированы.

Есть, правда, в Киеве Институт искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР, который мог бы заняться историей украинского искусства. Но невольно возникает сомнение: а под силу ли ему такая объемная и серьезная работа — ведь за многие годы своего существования малочисленный искусствоведческий сектор этого института, подготовив и печатав ряд важных работ, сумел издать лишь единственную монографию по Пинночку.

И, думая обо всем этом, приходишь к выводу, что правы, по-видимому, те художники и критики, которые считают, что на Украине должен быть создан самостоятельный институт истории искусства. Он сможет решить весь комплекс вопросов, связанных со всесторонним и глубоким изучением истории украинского изобразительного искусства.

Не менее озабочена художественная общественность республики совершенно неудовлетворительной подготовкой молодых искусствоведов. А ведь потребность в специалистах по украинскому искусству сейчас особенно велика.

Отрицательно сказались на изучении и пропаганде украинского изобразительного искусства и отсутствие специального периодического издания. Года два тому назад, правда, начал выходить жур-

нал «Мистецтво», но судьбы изобразительного искусства, к сожалению, мало волновали его, и дело кончилось тем, что представители художественной общественности попросту перестали приглашать на заседания редколлегии и привлекать к работе. Справедливости ради заметим, что этот тонкий журнал, являющийся к тому же органом «всех искусств» (театр, музыка, кино, живопись), даже при идеальном отношении к художникам вряд ли имел бы возможность регулярно публиковать на своих страницах проблемные и популярно-исторические статьи по украинской живописи.

И здесь возникает вопрос: а как же другие периодические издания и в первую очередь литературно-художественные журналы, республиканские газеты, занимающиеся вопросами литературы и искусства, — неужели они остаются безучастными к украинскому изобразительному искусству?

Мы просмотрели комплекты нескольких «толстых» журналов и не нашли в них статей по изобразительному искусству. Вероятно, подумали мы поначалу, сами художники и критики стали, как говорится, тяжелыми на подъем и отказываются писать для этих журналов. Но оказалось, что причину нужно искать совсем не там. Молодой киевский искусствовед П. Говда рассказал нам, как однажды он принес в журнал «Дніпро» статью «Образ молодого человека в украинском изобразительном искусстве». Печатали ее отказались: «Не наш профиль...».

Надо отдать должное редколлегии журнала «Дніпро» — она ни разу не изменила «своему профилю»: за последние годы вопросов живописи журнал не посвятил ни строчки. Это одна позиция.

А вот другая. Год тому назад народный художник СССР В. Насиян и Ю. Турченко сдали статью об украинской советской графике в редакцию журнала «Вісник». Статью любезно приняли, обещали обязательно напечатать еще накануне республиканского съезда художников, а опубликовали через 8 месяцев после съезда.

Художников-графиков принято называть братьями писателей. Между тем проявляет особую сильных родовых связей, к сожалению, не наблюдается. На эту тему в «Литературній газеті» вскоре после республиканского съезда художников была опубликована интересная на наш взгляд, статья Ивана Волошина «Кисть и перо». Автор справедливо упрекает Союз писателей Украины и Союз художников во взаимном безразличии и призывает творческих работников отказаться от обособленности. «Художникской» жизни, к сожалению, призыв этот никем не услышан, и все идет по-старому.

Когда речь заходит о писателях, любящих и глубоко понимающих живопись, художники, не задумываясь, называют имена Скляренко, Тычины, Рыльского, Бажана, Корнейчука, Малышко, Гончара, Олейника. Мастерами кисти, например, надолго запомнился тонкий, проникновенный анализ творчества пейзажиста Н. Глущенко, сделанный Л. Перловским во время одной из немногочисленных встреч писателей с художниками. А вот под статьими, посвященными изобразительному искусству, эти имена почти не встречаются. Правильно, пора восстановить творческие связи между художниками и литераторами.

В большом и богатом хозяйстве украинского изобразительного искусства с его великими мастерами прошлого и молодыми талантами, давними традициями и национальной самобытностью надо по-хозяйски разбираться. Нужны капитальные труды, монографии, теоретические исследования искусствоведов. Но и не менее нужны публицистические писательские очерки, литературные заметки о художнике и его картинах, о проблемах, которые они затрагивают.

Этого ждут украинские советские художники от своих товарищей по совместной идеологической борьбе — от украинских советских писателей

И. БЕЛОКОНЬ

СЛОВО ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА

28 февраля открылся Первый Всесоюзный съезд советских художников. Он обсудит важнейшие вопросы современной художественной жизни, творческие проблемы нашей живописи, скульптуры, графики, театрально-декорационного и прикладного искусства, критики.

«Литературная газета» обратилась к ряду делегатов съезда с просьбой поделиться своими мыслями в связи с предстоящим разговором о нынешнем состоянии и перспективах развития советского изобразительного искусства. В этом номере мы начинаем публиковать высказывания делегатов съезда.

Сергей КОНЕНКОВ

ЗА ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО!

Накануне Первого Всесоюзного съезда художников мне хочется подчеркнуть значение традиционной дружбы художников и писателей. Их содружество всегда взаимно обогащало литературу и искусство.

Мы сейчас справедливо отмечаем свою неудовлетворенность современной художественной критикой. Именно поэтому умственно вспомнить, с какой страстностью писал Николай Васильевич Гоголь о живописи и скульптуре. Оценывая достоинства картины К. Брюллова «Последний день Помпеи», Гоголь писал: «Нет ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотой, где бы человек не был прекрасен».

С каким темпераментом писал о художественных выставках Гаршин! В самые трудные дни своей жизни, в борьбе с рутинной и казенной,

Александр Иванов опирался на дружбу с Герценом и Чернышевским. Толстой и Репин! Чехов и Левитан! Только при одном сопоставлении этих имен сразу же возникают самые глубокие ассоциации.

Великим другом художников был и Алексей Максимович Горький. Один из участников недавней творческой дискуссии в Московском союзе советских художников вспоминал, что А. М. Горький после того, как в 1933 году посетил выставку «Художники РСФСР за 15 лет», сказал: — Случно у вас на выставке, вы не умеете идеализировать.

Как значительно это короткое высказывание!

На нашем съезде писатели будут самыми желанными гостями. И не только гостями, но и участниками. Я надеюсь, что с трибуны съезда мы услышим дружеское слово наших писателей, глубоко заинтересованных в расцвете родного советского искусства.

Евгений КИВРИК

СМЕЛОСТЬ В ПОИСКАХ НОВОГО

Съезд художников собирается в момент большого оживления нашей художественной жизни. Множество выставок, дискуссий, поездок художников за границу создало атмосферу исключительно благоприятную для того, чтобы заново оценить пройденный путь. Может быть, самым знаменательным является то, что исключительно широкие круги общественности стали проявлять горячий интерес к изобразительному искусству. Больше того, не только интерес, но и желание вмешаться, принять непосредственное участие в решении проблем, выдвинутых жизнью перед искусством.

ГОЛОС БАЛТИКИ

Звучит в груди, стократно повторенный, Родного моря шум!

Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к небольшому сборнику стихов латвийского поэта Анатолия Имерманиса. Недаром и книга его называется «Сердце и море». В ней много о море, о морях, о жизни большого портового города, но и сердце присутствует в ней, сердце, любящее Родину и скромных людей труда.

Анатолий Имерманис принадлежит к тому поколению поэтов Латвии, голос которых, тогда юношеский, некрещенный, впервые прозвучал еще при буржуазной власти в Латвии. Голос А. Имерманиса нашел себе отклик в рабочей среде. Это и понятно — товарищеское сочувствие к ней наполнило его стихи. В последние годы пришло к поэту творческое рождение, — Имерманис стал известен широкому всесоюзному читателю.

Книга, которая лежит сейчас перед нами, достаточно полно показывает этого своеобразного и талантливого поэта.

Ветер родной Балтики, морской ветер пролетит по ее страницам. Лучшее в ней, безусловно, то, что навеяно темой Итарного моря. Оно, море, для Имерманиса — не предмет эстетического любования; оно, так же как и у другого поэта Прибалтики, эстонца Юхана Смуула, воспринимается через труд людей, непосредственно связанных с грозной и коварной стихией: рыбаки Рижского залива, водители кораблей, смотрители маяков, рабочие порта — вот основные герои книги А. Имерманиса.

Поэт находит поэзию в деталях морского будничного бытия, ему бы хотелось «на маяке свет фонарей зажечь, по шатким доскам с грохотом катать седельные бочки с пароклада». Родны и близки ему песни грузчиков, глаз его отчетливо схватывает, «как острый зуб в толк вонзает край, как мускулов вздуваются канаты». Он видит и «стройных мачт натянutos струны», и черные клубы дыма отходящих в плаванье судов.

И вместе с тем это не простое перечисление живописных деталей, не общая внешняя картина морского порта. Для Имерманиса это поэтический символ более существенных обобщений:

Анатолий Имерманис. «Сердце и море». Советский писатель, 1956.

О, воздух портовой! Поет душа, Когда в себя его всей грудью втянешь. Он пахнет углем, каплями дождя, Морской травой, рыбачьими сетями, Смелой и солью, дымом пароклада, И океанской далью, и свободой. И это все мечты в душе булало, Неясною тоской арало в грудь.

Перевод В. Невского

«Неясная тоска» юношеских мечтаний, романтика морского бытия перерастают затем у Имерманиса в романтику революционной борьбы, которой поэт отдал немало сердца в то время, когда Латвия еще была буржуазной республикой.

А. Имерманис поэтически сближает образы Рижского и Риги, городов, овеянных родным ветром Балтики, — суровый фон грозных военных лет подчеркивает их родство в великой освободительной борьбе.

Теме трудового моря посвящен в ряд других стихов сборника («Старый маяк», «Советский маяк», «Волонеры», отрывки из поэмы «Сердце в пути»). Это едва ли не самое интересное в книге, так как отмечено и глубоким знанием материала, и лирическим проникновением в него.

Крутозор Имерманиса, как поэт, определяет не только темой морского Балтики. С живым интересом изображает он и людей иных трудовых профессий, старается отыскать черты нового в трудовом облике советского человека. Показательно в этом отношении одно из самых замечательных стихотворений сборника «Новогодняя плавка» (в достойном переводе В. Бердяева). Полежа в основу стихотворения обычай рабочих-литейщиков «счастье жить» под Новый год, поэт по-новому переосмысливает старинное гадание, раскрывая подлинную сущность труда в нашу эпоху:

Мы на стальной основе счастье строим. Сталь — наша сила, наше бытие. В плену отцы томилась, и глаго им Про счастье годоводное литье. Теперь другое дело, я спокоен За нашу жизнь. Я строю сам еел

Немало места отдало в книге и, как говорится, часто лирическим переживаниям. Интересно отметить, что тема любви и дружбы у Имерманиса всегда тесно связана с темой родной латвийской природы и в еще большей степени, пожалуй, с гордким пейзажем, с близкой ему Ригой — на этот раз не с шумной жизнью порта, а с миром тихих, затеянных садами улиц, где на мостовых воркуют голуби,

ХУДОЖНИК И ЖИЗНЬ

То состояние кипучей инициативы, споров, нетерпеливого ожидания смелого порыва вперед, к новому, которое характерно для настоящего, невольно заставляет вспомнить период юности нашего искусства — двадцатые годы. Тогда тоже и, может быть, в еще большей степени, все кипело и бурлило в ажитации дискуссий, борьбы течений, столкновений различных художественных взглядов. Но жажда новаторства, романтическая революционность, поиски истины в большинстве случаев были оторваны от реальной жизни народа, которому мы стремились посвятить свое творчество. Эта оторванность зачастую приводила нас, в конечном счете, к бесплодному экспериментаторству, формализму.

Между прочим, эпоха двадцатых годов до сих пор не запечатлена во все ее пестроту сложности и слишком упрощенно трактуется в истории советского искусства. А жаль, потому что, не понимая ее, нельзя уяснить себе действительных истоков советского искусства. В те далекие годы мы пережили бурный расцвет многочисленных течений, что позволяет нам смотреть на то, чем живет сейчас «левое» западное искусство, как на лавно пройденный, пережитый и преодоленный этап. Поэтому современный модернизм закономерно рассматривается нами как нечто устаревшее, биоперспективное и даже обветшалое, в то время как некоторым молодым людям, впервые с ним столкнувшимся, кажется, что они видят явление, хотя и непонятное, но чарующее своей «новизной».

Итак, если в те годы новаторские

искания молодого искусства имели зачастую лабораторный, не связанный с широкими общественными интересами характер, то сейчас, наоборот, — зрители требуют от нас смелости в поисках новых, живых и лиричных в рутинных формах, способных с наибольшей силой и выразительностью воплотить образ советской современности. Мне кажется, что именно эта черта наиболее ярко характеризует искусство прошлых лет — большой путь за короткое время существования, и огромный культурный рост народа.

Если внимательно прислушаться к спорам, мнениям, к тому, что говорится на дискуссиях и в кулуарах художниками и зрителями, то можно уловить некоторые специфические, новые явления художественной жизни.

1. Потребность в смелости творческих сил, которыми мы столь богаты и которые далеко не исчерпываются сравнительно небольшой группой признанных и широко известных художников. Часто самые свежие творческие начинания, тающие в себе возможность большого развития, на первых порах еще неуловимы, имеют внешне противоречивый или односторонний характер. Однако общественность, благодарная за порыв, вдохновение, бескорыстную преданность искусству, рада им, готова их приветствовать. Эта потребность открывает новые таланты либо горячо приветствует те, которые ранее были незаслуженно отодвинуты в тень, на задний план, оставившие мне новой и прекрасной чертой настоящего момента.

2. Жизнь настойчиво требует переоценки некоторых вещей. В предыдущий период, особенно в послевоенные годы, в связи с той атмосферой в художественной жизни, которая была порождена культом личности, недооценено искусственно выдвигались на первый план произведения, лишённые высоких художественных достоинств. Естественно, это происходило за счет того, что многие оригинальные, далекие от шаблона произведения несправедливо трактовались как формалистические либо эстетские, что в результате создавало неверную картину жизни советского искусства, дезориентировало зрительские массы.

3. Такие основные понятия нашего искусства, как «социалистический реализм», «народность», «идейность», неоднократно применялись в прошлом к произведениям, не имеющим достаточного основания для того, чтобы считаться образцами идейного, народного и реалистического творчества. Это вносило большую путаницу в умы многих художников. И я лично именно этим объясняю те дискуссии вокруг упомянутых понятий или терминов, которые неоднократно возникали за последнее время. Поэтому наряду с переоценкой ряда произведений есть отчетливая потребность устранить последние неправильные употребления этих понятий.

4. Правильная по своим задачам борьба с формализмом в прошлом не раз использовалась против своеобразия восприятия художником жизни. И в то же время за все прошедшие годы не было ни одного авторитетного выступления против натурализма, что дало свои печальные результаты. Надеюсь, что на нашем съезде борьба против натурализма, за подлинную художественность станет одной из боевых задач.

Двадцатый съезд КПСС дал мощный стимул для творческой инициативы широких масс художников. Именно в период, последовавший за съездом, окончательно определился тот плодотворный дух неудовлетворенности достигнутым, творческого беспокойства, который так типичен для искусства, готового шагнуть вперед, к новым достижениям, искусства, созрелого для подлинного новаторства.

Михаил АППАТОВ

БЛИЖЕ К СОВРЕМЕННОСТИ

Пред стоишь и видишь Съезд советских художников — важное событие не только в жизни советского искусства, но и искусствознания и художественной критики. На съезде должны быть подведены итоги наших достижениям и вскрыты недостатки, мешающие нашему росту.

Главное препятствие, с моей точки зрения, — это оторванность искусствознания от коренных творческих вопросов современности. Часто, когда нам приходится переходить от общекультурных положений к самостоятельному рассмотрению и толкованию конкретных явлений искусства, мы проявляем беспомощность.

«Груз зрелищный», начертничество в этом деле мало помогают. Ссылка на исторические примеры уводит от главной цели. Ораторский лафос бесплоден. Здесь требуется прежде всего преданность любви к искусству, отзывчивость и чуткость к нему, проникновенное понимание сущности художественного творчества, настойчивое стремление идти в глубь вещей и, само собой разумеется, принципиальность.

Заинтересованность в искусстве нашего массового зрителя огромна, его любознательность безгранична. Ему нужна критика не бюбюле-хвалебная, не обтекаемая, ничего не говорящая формулировка и полные равнодушие фразы. Его тянет к живому, искреннему слову, способному помочь ему разобраться в сложных вопросах искусства. Нам будут признательны и художники, если мы сумеем поддержать их творческие искания и разъяснить широкому зрителю их закономерность.

У нас имеются обширные кадры талантливых искусствоведов и критиков. Но, к сожалению, за последние годы молодежь как-то охладела к кропотливому искусствоведческому изысканию, хотя они могут служить художественному критику превосходной школой мастерства. Многие удалились в отвлеченное и довольно безответственное теоретизирование, оторванное от творческой практики.

Я твердо надеюсь, что Съезд художников, который является демократичной важности искусства в нашей стране, как общенародного дела, поможет и нам, искусствоведам, разобраться в наших первоочередных задачах.

Ю. КАЛАШНИКОВ

Вышел первый номер журнала «Москва»

Вышла в печать первая книга нового журнала «Москва». Проза в ней представлена романом — хроникой Ю. Либедиского «Утро Советов» воспроизводит ш и м исторические события 1917 года.

повести А. Вальцовой «Квартира № 13», рассказов В. Фоменко «Под звездами» и сатирических сказках Л. Лагина, рассказом молодого китайского писателя Лю Бин-яня «Что нового у нас в редакции». Печатаются также путевые очерки Н. Михайлова «Иду по меридиану».

Этому учит история

Кадр из кинофильма «Урок истории». Георгий Димитров — артист С. Савов, Геринг — артист Ю. Аверин.

Новый фильм Л. Аршитама (он автор сценария и постановки) по праву назван «Урок истории». Действительно, это произведение исторично и вместе с тем современно. Прогрессивнее на весь мир события Лейпцигского процесса, героическая борьба Георгия Димитрова, сумевшего на самые посылимых стать обвинителем всего фашизма, — живы в памяти народов. И воскресая эти грозные и слабые дни. Фильм говорит, что победа коммунизма добывается мужеством, принципиальностью, ясным разумом, неуловным следованием революционным идеалам. На этом уроке истории авторы фильма как бы показывают человечеству выход из многих трагических коалиций.

Начальные кадры фильма. Германия в вавун прихода Гитлера к власти. Черствые, жесткие лица, холодные глаза — фависовые и промышленные магнаты собирались, чтобы выслушать Гитлера. И вот фашистская свора слушает с цепью: дро-

жат факелы над бесконечными колоннами штурмовиков, мелькают и складываются аккуратными стопками сотни белых листовок — Герман Геринг подписывает ордера на арест. И языки пламени над рейхстагом... А рядом низоды борьбы рабочих — митинги, забастовки, расклейка листовок. Всем понятно: была сила, которая могла преградить путь фашизму, но рабочий класс Германии предал социал-демократические вожди а революционные организации были разбиты по отдельности. И тем не менее ощущение неустойчивости, нескорожности революционных традиций немецкого народа не покидает зрителя, хотя фильм повествует о поражении, о страшной трагедии.

Это один из самых важных идейных итогов картины. Он подготовлен безукоснительной историей семьи молодого коммуниста Данге (артист Г. Юлин), героическими, полными драматизма кадрами всемогущей демонстрации рабочих во время Лейпцигского процесса, эпизодами вопроса на суде немецких пролетариев, изученных пытками, но отказавшихся давать показания против Димитрова.

Поединок Димитрова с фашизмом, запечатленный в ряде эпизодов на суде и в тюрьме, — центр, основа фильма; он раскрывает тему его как тему непобедимости идеи коммунизма. Главное, что удалось артисту С. Савову, исполняющему роль Димитрова, — это передать прекрасные, вдох-

Л. Аршитама должен же мобилизовать все средства кинематографа, чтобы порой буквально по одним-двумя штрихам передать характер, передать атмосферу и смысл событий. В строгой, предельно лаконичной изобразительной манере фильма большую роль сыграло великолепное мастерство операторов А. Шеленкова и Чен Ю-ла.

Вот начало фильма. Оно определяет его основную тональность. Смена графических кадров — панно о силе, горе, страданиях и мужестве народов мира в сопровождении монументальной музыки Кара-Караева создает почти трагический колорит.

Всего несколько кадров рассказывает о революционную работу, но в них воссоздается обаятельный мужественный и суровый образ болгарского народа. А как точно найден фигура старого немецкого рабочего социал-демократа: одну лишь фразу произносит он на суде в Лейпциге, — говорит, что сожалеет о своей принадлежности к социал-демократам, — в это откровенно огромный политический смысл.

Режиссер мастерски использует приемы монтажного письма, скульптурно четко лепит кадр. Так умелое чередование кадров демонстрации немецких рабочих с кадрами мучащихся настречу им штурмовиков превращает этот эпизод в один из самых напряженных. Так необычайно выразительны, исполнены внутреннего драматизма кадры около немецкого посольства в Софии. Матужка Парашкева уходит, и тогда расступается перед ней, образуя узкий коридор, по которому движется маленькая фигура в черном, в ту же смыкается, создавая преграду для польшейских. И зрителю становятся ясными огромное уважение, любовь и симпатии народа к Димитрову и его матери, и настроение жителей болгарской столицы, и крепнущее между ними чувство солидарности.

Всем еще памятно события в Венгрии осени 1956 года. Как известно, венгерская деревня не поддалась на лживые псевдодемократические лозунги...

Возвратившись из поездки по комнате Ваш, мы получили на днях с Ляношом Местерхази необычное письмо. Отправитель письма — кооператив, кукушечный сельскохозяйственный производственный кооператив имени Мате Залка...

Поворотным пунктом в развитии событий, а также в поведении писателей матеалковцы считают 23 октября, за которым последовало 4 ноября. Мы не могли согласиться со всеми выступлениями писателей по радио и также не можем понять их молчание после 4 ноября...

«Если бы мы смогли чему-нибудь научиться друг у друга...» — гласит последняя фраза письма... Нам повезло: мы приехали как раз в день общего собрания...

«Дайте же подумать, — спокойно, убеждающе говорит председатель... По трудностям ли по-другому, об этом можно еще поспорить...»

В зале одобрительный дружный смех. Председатель продолжает: «Пойдем навстречу человеку — он этого заслуживает...»

«Этот «еще немного» растянется на несколько часов, в деревне уже стали зажигать лампы. Из засаженных с утра люков ведают, не меньше...»

Итак, моя задача проста. Не прибегая к каким-либо пояснениям и комментариям, в форме протокола или, вернее, суммированной хроники я познакомя вас с наиболее значительными выступлениями...

Валж Кардош (секретарь партийной организации). Наш кооператив имени Мате Залка всегда был известен тем, что умел говорить правду в глаза... И Иштван Дюбэ, и всем другим посетителям без исключения тогда, когда мы были уверены в своей правоте...

В каждом крестьянском дворце, как бы он ни был беден, ведут высокие узкие ворота, искусно сложенные из кирпича и украшенные тончайшими барельефами...

Эрне УРБАН, венгерский писатель. 1952-м? Приходили толпы, требовали роспуска... Мы сказали: «Кто тронет кооператив, пусть пеняет на себя: будет иметь дело с шестью сотнями людей...»

Иштван Ж. Варга (бригадир). Мы с вами из одной семьи, поэтому будем говорить откровенно. Что было в партии самым большим злом? То, что нельзя было спорить... Тех, кто возражал, за эти возражения репрессировали...

Алош Пиллер. Моя профессия — кузнец. Я в сорок шестом году приехал. Кто защищал кооператив? Новый хозяин, а таких среди матеалковцев 60 процентов...

Несколько слов еще о заблуждавшихся. Кто бы ни говорил о тех молодых интеллигентах, — они наши дети, которых мы выучили и которые сегодня еще в большом количестве впрягаются в воз реакции...

Писателям я просил бы передать: откуда вы знаете, чем мы живем сегодня, как относимся к прошедшему, если вы просто избегаете нас?

Июно Виза. Я молодой парень, начну с того, из-за чего молодежь затеяла демонстрацию с оскорбленного чувства национального достоинства...

Михай Палкич. Все это правда, и моя семья здесь не исключение, но 6 октября нам приходится вести чуть ли не кулачные бои с молодежью... И то правду делают они это не по собственному соображению...

В 1952 г. были осуществлены жесткие меры по ограничению кулачества, затронувшие верхи и средины...

ли им прямо в глаза и говорили: «Человек, достань-ка побыстрее свой разум, послушай-ка! Разве ты хочешь, чтобы мы снова работали за треть урожая? То, что у нас в руках, ни в коем случае выпускать из рук нельзя...»

Михай Молнар. Раньше были писатели, которые ходили в деревню. Их называли «исследователями деревни»... Было бы хорошо, если бы теперь, после всех потрясений, писатели еще в большем масштабе возродили бы этот прекрасный обычай...

Алош Пиллер. Моя профессия — кузнец. Я в сорок шестом году приехал. Кто защищал кооператив? Новый хозяин, а таких среди матеалковцев 60 процентов...

«Я обещал, что не буду комментировать ни одно из выступлений. Я обязан, однако, во избежание недоразумений, заявить: Кукушечный среди тиссаульских, с крепким пролетарским ядром кооперативов, — не исключение, его столь решительное и откровенное мнение — вовсе не «единичный случай»...

«Нет, нет, — подумал я, — все это, конечно, не настоящее. Это просто-напросто декорации — специально для того, чтобы поражаж воображение иностранных туристов»...

В каждом дворце, как грибы, — кумирни и жертвенники, похожие на маленькие пагоды. В каждом селе — храмы, древние священные храмы, почти не тронутые временем...

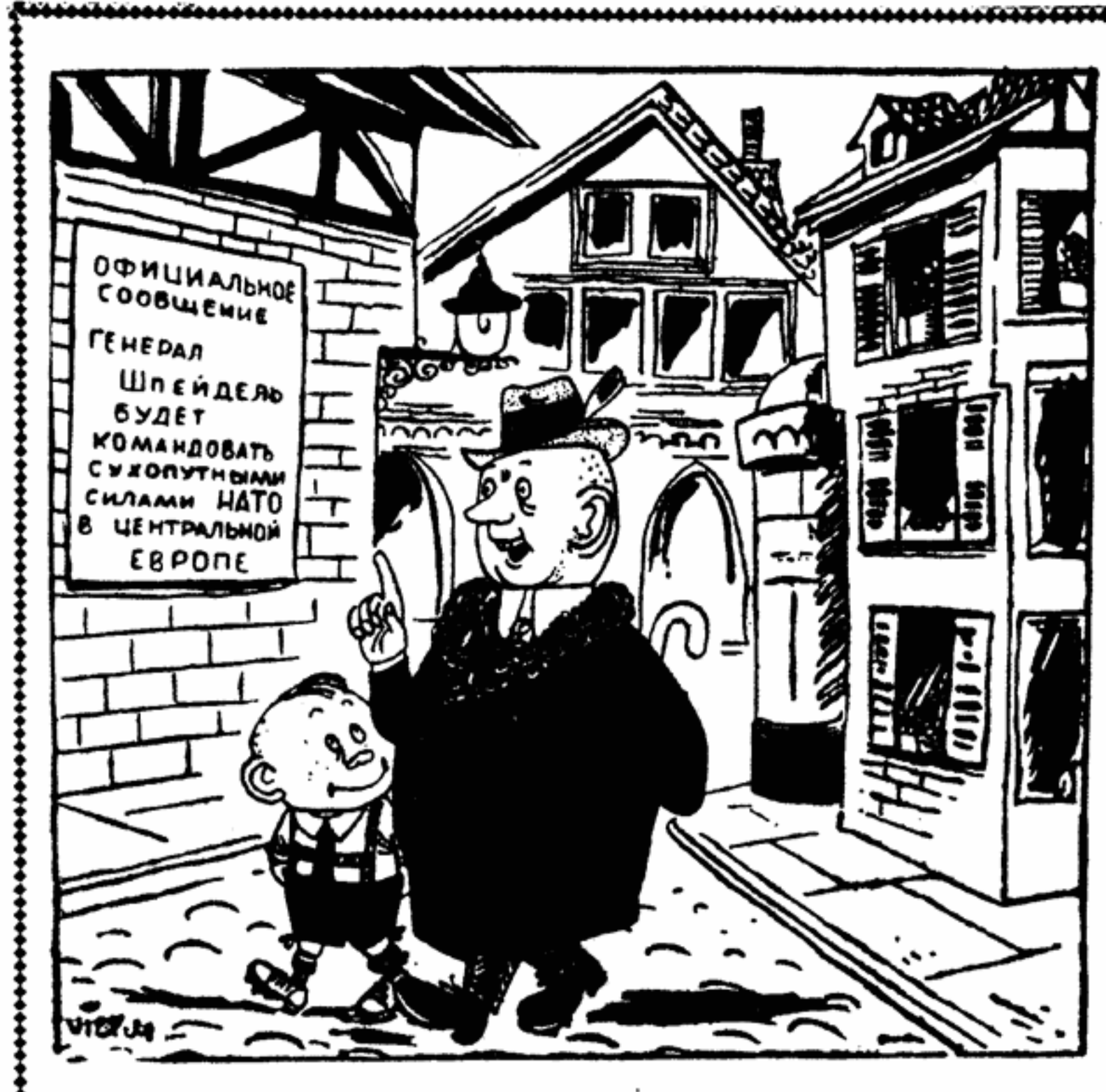
Их ублажают жертвоприношениями высокие, стройные пубообразные девушки с кожей оливкового цвета. Медленно шествуют они по узкой тропинке в тени банановых деревьев с широкими, как опахла, листьями...

Валийцы глубоко религиозны. Их повседневная жизнь пронизана индуизмом. Их искусство тесно переплетается с религией, занесенной на остров из Индии еще в незапамятные времена...

Однажды мне пришлось быть свидетелем такой сцены. Несколько европейцев осматривали храм IX века. К нам подошел молодой парнишка и, протянув неудобную тарелочку, в которой лежал большой цветок джасмина, попросил пожертвовать на нужды храма...

«Почему именно три?» — спросил я. — «А как же? Для Браммы, Шивы и Вишну...»

В каждом крестьянском дворце, как бы он ни был беден, ведут высокие узкие ворота, искусно сложенные из кирпича и украшенные тончайшими барельефами...

В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ — Итак, это должно показать англичанам, что мы их простили! Рисунок художника Викки из английской газеты «Дейли миррор»

НАЗНАЧЕНИЕ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА ГАНСА ШПЕЙДЕЛЯ НА ПОСТ КОМАНДУЮЩЕГО НАЗЕМНЫМИ ВОЙСКАМИ НАТО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ — Рисунок художника Мителберга из французской газеты «Юманите»

ОДИН ГЕНЕРАЛ ИЗ НАТО — ДРУГОМУ: — Поверьте мне, коллега, если бы кто-нибудь десять лет назад попробовал проповествовать такое, он еще и сегодня сидел бы под наблюдением в психиатрической клинике. Рисунок художника Корзо из западногерманской газеты «Штерн»

Второму съезду Ассоциации работников литературы и искусства Демократической Республики Вьетнам

Дорогие друзья и коллеги! Правление Союза писателей СССР горячо приветствует Ваш съезд и в его лице работников литературы и искусства Демократической Республики Вьетнам. От всей души желаем полного успеха в разрешении стоящих перед Вами ответственных задач...

Правление Союза писателей СССР

Отравители эфира

25 февраля «Голосу Америки» исполнилось пятнадцать лет. Стало известно, что в Вашингтоне сия торжественная дата будет отмечена помпезно, с речами и тостами...

В прошлом году, когда международная напряженность ослабла, сенатор Истланд встретился с Деллусом и попросил не смягчать тона передал «Голосу Америки»...

Люди, которым «Голос Америки» предносит взгляды Истланда и Даллеса, естественно смотрят на вещи иначе. Отсюда возникают некоторые досадные для госдепартамента и ЮСИА недоразумения...

«Голос Америки» находится в некотором смысле на особом положении, поскольку радиоволне по техническим причинам нельзя дать по шею или в ухо. Но зато можно выключить приемник. Это и делается...

На сорока одном языке живой голос много лет объясняется в любви народам мира, и — никакой взаимности. Даже на Кубе, можно сказать, под боком у Америки, где обитало 26 136 семей...

А как обстоит дело с другими народами мира, со странами Востока, например? Загода все было учтено и принято во внимание — где на Востоке слушают радио, как его слушают и когда слушают...

Дорого ценят лог и клевету в Вашингтоне... М. В.

Из индонезийских записей На острове Бали

В город Денпасар — столицу острова Бали — мы приехали уже после захода солнца. В темноте все индонезийские города похожи друг на друга: тихие, пустынные улицы, невysокие дома под густыми кронами деревьев «сберянтин», крохотные закуские, обдающие прохладой запахом пряностей и жареного мяса...

На следующее утро мы выехали из Денпасара и направились в глубь острова. Первое впечатление от того, что мы увидели, определить довольно трудно. Пожалуй, прежде всего это было ощущение новизны, а действительно...

«Нет, нет, — подумал я, — все это, конечно, не настоящее. Это просто-напросто декорации — специально для того, чтобы поражаж воображение иностранных туристов»...

В каждом крестьянском дворце, как бы он ни был беден, ведут высокие узкие ворота, искусно сложенные из кирпича и украшенные тончайшими барельефами...

ми. В каждом дворце, как грибы, — кумирни и жертвенники, похожие на маленькие пагоды. В каждом селе — храмы, древние священные храмы, почти не тронутые временем...

Их ублажают жертвоприношениями высокие, стройные пубообразные девушки с кожей оливкового цвета. Медленно шествуют они по узкой тропинке в тени банановых деревьев с широкими, как опахла, листьями...

Валийцы глубоко религиозны. Их повседневная жизнь пронизана индуизмом. Их искусство тесно переплетается с религией, занесенной на остров из Индии еще в незапамятные времена...

Однажды мне пришлось быть свидетелем такой сцены. Несколько европейцев осматривали храм IX века. К нам подошел молодой парнишка и, протянув неудобную тарелочку, в которой лежал большой цветок джасмина, попросил пожертвовать на нужды храма...

«Почему именно три?» — спросил я. — «А как же? Для Браммы, Шивы и Вишну...»

крыльями, олеез с ветвистыми рогами... Но байийские художники живут в нищете. За жалкие гроши продают они перекрученные плоды своего труда...

Очень часто эти фигурки изображают персонажей из «тантри» — байийских народных сказаний, созданных еще в глубокой древности. Спросите у мастера, что означает та или иная фигурка, и он охотно расскажет вам о радже, поблывшем фею, о коварном аисте, обманувшем доверчивых рыб, о чудесных превращениях и о заколдованных храмах в лесной чаще...

Самая большая коллекция таких книг находится в Сингарадже — городе на северном берегу острова. В этом же городе живет и работает известный писатель И Густу Ньоман Панджа Тиса, автор романов, воссоздающих страницы из славы истории Бали...

Литературный фонд СССР извещает, что сегодня, в 14 часов, на Введенском кладбище в Москве состоится открытие памятника надгробия на могиле писателя М. М. Пришвина (работа скульптора С. Коненкова)...

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Балийский храм Фото автора

Фольклора народностей, населяющих эту часть страны. К сожалению, пока еще этим занимаются в основном миссионеры...

Президиум Московского отделения Союза писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти писателя, члена Союза писателей СССР АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА и выражает соболезнование семье покойного.